ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 124.5

С.Б. Максюкова, Д.С. Трухманов

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО

Одной из самых сложных проблем современной науки и философии, несомненно, является проблема происхождения сознания. В науке и философии существует множество гипотез её решения, среди которых наибольшей известностью пользуется материалистическая концепция «трудового» происхождения Homo Sapiens, изложенная в известном сочинении Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Авторы данной концепции полагают, что в процессе трудовых операций у предков Homo Sapiens возникла потребность передать информацию друг другу посредством звуковых сигналов, оформившихся чудесным образом в слово – артикуляционный смысл. По данной теории именно производительный труд является главной причиной появления и развития сознания.

Однако нам известно, что некоторые насекомые (например, муравьи, термиты, пчелы и т.д.) вели и ведут по сию пору собирательно-охотничье хозяйство с очень высокой организацией и разделением труда и распределением функций. Собирают, охотятся и даже производят искусственные сооружения и другие высокоорганизованные животные типа антропоидных обезьян, бобров и др. Но все они живут инстинктами, хотя некоторые из этих видов обладают достаточно развитым мышлением, способным к обучению и высокого порядка организации формам социальной жизни.

Ученые-биологи отмечают случаи передачи индивидуального опыта потомству и сородичам в животном сообществе, объясняя эти явления развитыми подражательными способностями животных [1]. Эксперименты, проводимые с приматами (шимпанзе), показали возможность введения их в семантическое поле языка осмысленных жестов. Но те же эксперименты продемонстрировали, что лингвистическая сфера приматов весьма ограничена. И только гоминиды, наши предки, оказались способными к расширению лингвистической сферы, хотя до сего дня мы не знаем доподлинную историю возникновения языка. Те же биологи утверждают, что «язык возник в результате любовного сотрудничества» [1].

Так или иначе возник язык – науке не известно (авторы данной статьи придерживается религиозной позиции). Но со всей определенностью можем сказать, что человек поднялся над своей «животностью» благодаря слову, смог жить не только инстинктами и индивидуальным опытом, но использовать опыт других посредством слова. Человек не только осваивал и осваивает окружающий мир в процессе его непосредственной встречи с предметами, явлениями этого мира, но и узнает его с помощью слова, воплощающего накопленный социальный опыт. Таким образом, само слово – есть понятие, несущее знание о сущностях (предметах, явлениях).

Человек вкладывал в слова (как и ныне) свои ощущения, свои восприятия, свои представления и мог с помощью того же слова рассказать, поделиться с другим человеком своими переживаниями и т.д. Именно слово позволило сделать понятным личностный опыт отдельного человека доступным для других, т.е. социальным опытом. Заметим: от индивидуального опыта посредством слова – к опыту коллективному, и от коллективного (социального) посредством слова – к опыту индивидуальному – таков был и остается путь развития человеческого сознания, поскольку каждое слово представляет собою понятие человека о предметах внешнего мира, их свойствах, связях, отношениях и значениях их для человека (в первую очередь, жизненно-важных). Посредством слова человек познает внешний мир, но посредством слова познает и свой внутренний мир и себя в другом. Слово служило (и служит) транслятором опыта, транслятором знания, да и само слово есть уже знание.

Конечно, первые слова имели фетишистский характер, они были непосредственно связаны с вещью, «принадлежали» ей (например, в языке якутов существует триста слов для обозначения различных состояний снега, но само понятие «снег» – отсутствует). Но уже у Гомера встречается выражение «крылатые слова», которые не следует понимать как символ. Выражение «крылатые слова» имеет непосредственный смысл: т.е. у слов есть крылья. Не значило ли это, что само слово становилось фетишем, обладающим самостоятельной силой, энергией и наличным бытиём?

На самом деле уже здесь происходит отделение слова от вещи, т.е. понятие вещи от самой вещи. А.Ф. Лосев связывает это явление с переходом к производящему хозяйству. Мы согласны с его мнением в том, что с переходом к производя-

щему хозяйству и развитием ремесел человеку для производства вещей стало необходимым иметь представления об этих вещах, т.е. идеи вещей. Отделение понятий вещей от самих вещей – это переход от фетишизма к анимизму. Однако, объяснение автором появления анимизма в идеологии первобытного человека только переходом к производящему хозяйству без учета влияния на данный процесс других факторов будет неполным. К таким факторам, помимо биопсихических, мы относим прежде всего развитие самого слова, которое изначально было артикулированным продуктом человеческого мышления, выражающим мысль, понятие (греч. – idea). идею, представление о предмете или явлении. Слово фиксировало в себе полученное знание, аккумулировало индивидуальный опыт, переводя его в социальный, т.е. обусловило диалектическое взаимодействие индивидуального и коллективного. И только благодаря слову стало возможным объединение людей, направленное на совместную целенаправленную деятельность, основой которой являлись уже не биопсихические инстинкты, а интенции сознания. Именно слово, как носитель сущностной памяти знание – способствовало развитию сознания человека, ведь недаром сознание в русском языке имеет этимологию – со-знание, что означает «совместное», «коллективное» знание, или «быть со знанием». И совершенно очевидно, что переход родового общества к производящему хозяйству происходил одновременно с развитием его сознания, речи, чему человек, на наш взгляд, обязан в большей степени, чем всем прочим факторам, как об этом говорилось выше.

Теперь давайте рассмотрим, что стало со словом в наш век высоких технологий, когда «живое» межличностное общение все больше стремится к нулю, а с собеседниками нас разделяют мерцающие мониторы компьютеров и порой – тысячи километров проводов.

Может показаться, что главной ценностью в информационном обществе выступает непосредственно сама информация. К сожалению, это далеко не так. И на первый план сегодня выходит скорее то, с какой скоростью эта информация усваивается и перерабатывается. От того, насколько быстро с этим справляется тот или иной индивид, зависит, пусть и косвенно, насколько он успешен в обществе, насколько он реализован и насколько полно он может исполнять свою социальную роль.

Постоянное увеличение темпа жизни диктует свои условия и порой доходит до абсурда в своем фанатизме. Жажда скорости доводит до того, что в электронной переписке, и без того являющейся лишь сублимацией реального живого общения, люди стремятся изъять все свои эмоции, вычеркнуть все личное, оставив лишь информационной костяк. Но хуже всего то, что и потом во время взаимодействия с живыми людьми пользователи виртуальных ресурсов продолжают разговаривать «на автомате» точно так же, как и во время сеансов электронной связи. Речь начинает пересыщаться особым интернет-жаргоном, непонятной сути и происхождения, зачастую представляющим собой симбиоз корней слов различных языковых систем, трансилитерации, переведенные аббревиатуры и «обрусевшие» слова иностранного происхождения. Более того, каждая молодежная субкультура, ровно как и каждая более-менее оформившаяся виртуальная группа людей (т.н. интернет-сообщества) – вырабатывает свой особый диалект, изобилующий своими особыми языковыми формами. Создается абсурдная ситуация, в которой человек «непосвященный», т.е. чуждый данному сообществу, но в то же время, являющийся носителем одного с ними языка, может в прямом смысле не понять вовсе или понять в сильно искаженной форме смысл высказывания (фразы), которое ему предлагают на его же родном языке! Таким образом, мы можем наблюдать, как интернет, призванный объединять, становится инструментов разобщения, являясь, в узком смысле, метафорическим подобием ветхозаветной Вавилонской Башни.

Все же стоит признать, что на основе разрушенных формируются новые социальные группы, фундаментом единения которых зачастую являются более высокие стремления и побуждения, лишенные религиозного фанатизма, этических, расовых и прочих предрассудков. Но насколько устойчивыми и социально мобильными будут такие группы, в которых, по факту, отсутствует личность человека? Группы, участники которых, возможно, даже не знают настоящих имен друг друга и ни разу не виделись вживую. Так же следует задаться вопросом о том, кто, на самом деле, формирует эти группы и для каких целей? Ведь история человечества знает не мало примеров, когда самые высокие идеалы служили лишь инструментом для манипуляции народными массами и достижения посредством их личных целей «руководителей».

Однако вернемся к функции слова в современном обществе. Помещенное в чуждую ему, по своей природе, искусственную цифровую среду, слово лишается исконного смысла, искажается, и, таким образом, теряет первоначально заложенную в него суть. Надстраиваясь пришлыми либо выдуманными языковыми конструкциями, оно утрачивает весь аккумулированный индивидуальный опыт, перестает нести знание и развивать сознание человека, напротив, скорее становясь инструментом его деградации и упадка. Оно перестает быть носителем энергии, перестает нести личное, оставляя за собой лишь сухую семантическую составляющую, демонстрируемую, в большинстве своем, в карикатурной форме. Слово перестает быть нацеленным на внешний мир, отражая его объекты и взаимосвязи между ними, а переходит в мир виртуальный, небытийный, начинает опери-

ровать его объектами, затем поглощается ими и, будучи поглощенным, само становится небытием.

В итоге, мы можем наблюдать очередную практическую реализацию знаменитого высказывания О. Шпенглера, говорившего: «Цивилизация возникает там, где умирает культура». С одной стороны, возрастает технологическая составляющая нашей жизни, развивающая общество и ведущая его вперед. Но, с другой стороны, под её же чрезмерным, в данном случае, влиянием происходит деградация языковых систем, что, по понятным причинам ведет к упадку и общего культурного уровня. Цивилизация всей своей мощью навалывается на наше общество и, судя по намечающимся тенденциям, под её напором не выдержит и слово – краеугольный камень нашей культуры, а в данном контексте и нашего сознания.

И, пожалуй, главной причиной, на сегодняшний день вызывающей наше беспокойство – являются многочисленные предупреждения лингвистов, психологов и специалистов по физиология мозга о перспективах возможной атрофии речевых центров мозга [3] и, вследствие этого, деградации человека при неиспользовании языкового потенциала, накопленного всей историей человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Матурана У.Р., Варела Ф.Х.* Древо познания . – Прогресс – традиция, 2001.
2. *Лосев А.Ф.* Античная мифология в её историческом развитии. – М., 1996.
3. *Маскимов В.И., Голубева А.В.* Русский язык и культура речи.– М.: Юрист, 2012. – 9 с.

Авторы статьи:

Максюкова
Светлана Борисовна
- канд. филос. наук, доц.
каф. философии КузГТУ
Email: msbphil@mail.ru

Трухманов
Дмитрий Сергеевич,
студент гр. ТМр-61
Email: trizart@mail.ru

УДК 124.5

С.Б. Максюкова, Д.С. Трухманов

ВИРТУАЛЬНОЕ ИНОБЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА: ПРОГРЕСС ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ?

Под «виртуальной реальностью» большинство людей понимают – мир, создаваемый техническими средствами и передаваемый человеку через привычные для восприятия реального мира ощущения: зрение, слух, обоняние, и другие. Между тем электронный виртуальный мир — лишь технологическое усовершенствование виртуальной реальности, уже открытой человеком. И отдельные ее проявления вошли в жизнь человечества задолго до появления компьютера, например, при погружении в созерцание картины, кинофильма или во время увлеченного чтения книги. При этом стоит отметить, что виртуальная среда – это особая среда небытийной активности, через которую осуществляется взаимодействие ее создателей с конечными потребителями. Здесь каждый индивид подвержен случайным влияниям, обусловленным интересами производителей виртуальной реальности, а точнее – её заказчиков, собственников СМИ, того, «кто платит». Они-то и формируют потребности населения, принимаемые потребителями за их личные потребности.

Личные потребности в социальной и психологической литературе определяются как осознанное стремление к достижению объективно необходимых условий жизни, обеспечивающих благосостояние и развитие его личности. Среди личных потребностей специалисты выделяют физические, социальные и духовные потребности. Пользование виртуальной реальностью связанно с социальными и духовными потребностями человека. Социальные – потребности в общественной деятельности, самоутверждении, самовыражении, общении с другими людьми и т.д. Социальные потребности формируются в ходе социализации личности и её участия в общественных отношениях и взаимосвязей с другими людьми. Духовные потребности – связанны с необходимостью самореализации и самосовершенствования человека, удовлетворяются в интеллектуальной, научной, эстетической, религиозной и любой другой духовной деятельности, обеспечивающей духовное воспроизводство и саморазвитие человека.

Как видим, любая потребность связана с деятельностью человека, направленной на их удовлетворение, выступает мотивами к ней и формирует интересы индивида, стимулы, цели и идеалы результатов данной деятельности. С другой стороны, сама деятельность выступает важнейшим фактором формирования личных потребностей. Чем